

КРЕСТ

сестры Терезы Бенедикты Креста

Аннотация: Крест Христа невозможно понимать только одним разумом. Как пишет Апостол Павел, проповедовать Христа распятого – безумие (1 Кор. 1:23). Но когда известная немецкая философ Эдит Штайн вступила в католический орден кармелиток, она стала сестрой Терезой Бенедиктой Креста. Этот суффикс, приложенный к ее имени, является сутью ее жизни. Этот короткий очерк описывает тему креста Иисуса Христа на протяжении жизни Эдит Штайн, от ее обращения ко Христу до ее убийства в концентрационном лагере смерти Аушвиц в 1942.

Ключевые слова: Эдит Штайн, сестра Тереза Бенедикта Креста, святой Иоанн Креста, феноменология, кармелитка.

Title: The cross of Sister Theresa Benedicta «of the Cross».

Annotation: The cross of Christ cannot be understood by reason alone. As the Apostle Paul wrote, it is «foolishness» to preach Christ crucified (1Cor. 1:23). However, when Edith Stein (1891-1942), the well-known German philosopher and convert from Judaism, entered the Order of Carmelites, she became Sister Teresa Benedicta “of the Cross.” The suffix attached to her name was the essence of her life. This brief biographical sketch outlines the theme of the cross of Jesus Christ in the life of Edith Stein, from her conversion to her execution at Auschwitz.

Keywords: Edith Stein, Sister Teresa Benedicta of the Cross, St. John of the Cross, phenomenology, Carmelite.

Мэри Рэйбер, в 1991-2021 годах преподавала церковную историю и другие предметы в нескольких богословских учебных заведениях Украины, большую часть времени в Донецком христианском университете и Одесской богословской семинарии. В 2015 году она получила степень доктора философии через Центр IBTS (Университет Уэльса). Мэри находится на пенсии и живет в Сент-Луисе, штат Миссури (США).

ВСТУПЛЕНИЕ

◆ Он не знал ее имени, но сразу узнал ее. Вскоре после окончания Второй мировой войны приходской священник в Вюрцбурге показал бывшему охраннику концлагеря фотографию женщины в черной монашеской вуали. Фотография перенесла его в тот день в августе 1942 года, когда он работал на железнодорожной платформе в Аушвиц (Освенциме). В тот день дежурные охранники приняли два железнодорожных состава из Нидерландов, в одном были мужчины, в другом женщины. Им сказали, что все заключенные в этих двух составах были сумасшедшими. Но он не мог не заметить среди всего этого хаоса монашку в черной вуали. Он сказал другому охраннику: «Эта не может быть психически больной». Словно поняв, что эти двое говорят о ней, сестра пристально посмотрела на них. Это было всего лишь мгновение, но ее взгляд так поразил его, что охранник смог узнать ее фотографию спустя годы^[1].

Священник показал ему фотографию Эдит Штайн (1891-1942). Она точно не была сумасшедшей, хотя некоторые сочли бы ее жизненный выбор неразумным. Еврейка, обращенная в католичество, она стала монахиней-кармелиткой и сознательно принесла свою жизнь в жертву за свой народ. Умирая вместе с миллионами евреев и другими «неудобными»^[2] нацистской Германии, она понимала, что несет крест Христа: «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23). Для Штайн последние несколько сотен метров, которые она прошла обнаженной до газовой камеры и крематория, стали кульминацией многолетнего созерцания этого креста.

Воистину, крест – это тайна, «безумие», которую невозможно объяснить только разумом. Когда Иисус впервые заговорил о Своем предстоящем распятии – самом мучительном и унижительном способе казни, который когда-либо был изобретен, – эта идея была настолько шокирующей и абсурдной, что апостол Петр решительно возразил ему (Мф. 16:21-23; Мр. 8:31-33). Хотя Иисус неоднократно говорил о Своем кресте, ученики смогли понять, что Он имел в виду, только после Его воскресения (Мф. 20:17-19; Мр. 10:32-34; Лк.18:31-34).

Столь же непонятным было и настойчивое требование Иисуса, чтобы Его ученики тоже взяли и несли свой крест (Мф. 16:24-28; Мр. 8:34-38; Лк. 9:23-27). Согласно известному описанию, предложенному британским историком Дэвидом Беббингтоном, одним из четырех особых, отличительных признаков евангелизма является «крестоцентризм». То есть,

^[1] Sister Teresa Renata Posselt, OCD, Edith Stein: The Life of a Philosopher and Carmelite (Washington, D.C.: ICS Publications, 2005), pp. 235-236.

^[2] Сестра Штайн Роза погибла вместе с ней в Освенциме. Другая сестра, Эльфрида Творогер, брат, Пауль Штайн, его жена Гертруда, и племянница, Ева Штайн, также стали жертвами Холокоста; см. Susanne M. Batzdorff, Aunt Edith: The Jewish Heritage of a Catholic Saint (Springfield, IL: Templegate Publishers, 1998), pp. 147-168.

евангелики обычно подчеркивают искупительную жертву Христа на кресте^[3]. Это высший знак Божьей любви к грешникам. Однако крест предназначен не только для Иисуса. Когда Он говорит, что тот, кто не возьмет креста и не последует за Ним, не достоин Его (Мф. 10:38), Он, очевидно, имеет в виду не буквальное распятие каждого верующего, а крест как «...символ всего трудного, угнетающего и настолько противоречащего человеческой природе, что принятие его на себя подобно путешествию к смерти»^[4].

Никто не избавлен от этого «пути к смерти», и именно бремя всего «трудного, угнетающего и противного человеческой природе» Иисус повелевает нам нести. Однако христианская вера учит, что когда наши страдания посвящены Христу, они таинственным образом становятся путем к славе (1 Пет. 4:13). И не только это: добровольное несение своего креста, принятие своих страданий – единственный путь к истинному познанию Христа. Апостол Павел говорит об этом «чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Фил. 3:10). Он тоже пишет о том как он радуется в своих страданиях, «... и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь...» (Кол. 1:24). Разумеется, дело не в том, что страдания и смерть Христовы каким-то образом «несовершенны», а в том, что они продолжают в жизни тех, кто следуют за Ним, и передают значение Его Страстей людям всех времен и стран.

Есть много христианских свидетелей, которые могут подтвердить эти истины, но лишь немногие из них изучали крестный путь так добросовестно, как Эдит Штайн, и прожили его так интенсивно. Возможно, она обладает уникальными способностями для того, чтобы дать некоторые советы христианам в военное время, когда тяжесть креста кажется особенно тяжелой, как это происходит сейчас в Украине.

Иудейка и христианка, она была канонизирована как святая Римокатолической церкви в 1998 году. Она также является европейкой, провозглашенной Папой Иоанном Павлом II (1920-2005) покровительницей Европы в 1999 году^[5]. Более того, она близка нам по времени. Она «... вводит нас в сердце этого измученного века [т.е. двадцатого столетия], указывая на надежду, которую он пробудил, но также и на противоречия и неудачи, которые его изуродовали»^[6].

[3] David W. Bebbington, *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s* (London: Unwin Hyman, 1989), pp. 2-3. Другими отличительными признаками являются акцент на духовном обращении, активность в распространении Евангелия и высокое уважение к Библии.

[4] Edith Stein, *The Science of the Cross*, Josephine Koepffel, OCD, trans. (Washington, DC: ICS Publications, 2002), p.17.

[5] В это же время были названы еще две покровительницы – святая Бриджит Шведская (1303-1373) и святая Екатерина Сиенская (1347-1380).

[6] John Paul II, "Apostolic Letter issued Motu Proprio," (www.vatican.va, accessed 31 May 2023).

КРЕСТ В ЖИЗНИ ЭДИТ ШТАЙН

◆ Эдит родилась в Бреслау, Германия (современный Вроцлав, Польша), 12 октября 1891 года в еврейской семье. Ее мать считала знаменательным, что в этот день был Йом Кипур^[7], еврейский День искупления. Она была младшей из одиннадцати детей (семь из которых дожили до взрослого возраста). Ее отец умер, когда ей было три года, после чего ее мать взяла на себя семейный бизнес по производству пиломатериалов и вела его с большим успехом. Эдит была необычайно одаренным ребенком и прекрасно училась в школе. Она особенно любила поэзию и языки.

После двух лет обучения в университете в Бреслау она решила посвятить себя философии и летом 1913 года поступила в университет в Геттингене. Там ее привлек феноменолог Эдмунд Гуссерль (1859-1938), работы которого она уже изучала самостоятельно. В конце концов, под его руководством она напишет докторскую диссертацию («О проблеме эмпатии», 1917) и будет работать его личным ассистентом с 1916 по 1918 год.

Часто считается, что она была атеисткой, по крайней мере, до университетских лет, хотя некоторые ученые оспаривают это^[8]. Конечно, Штайн писала, что в возрасте пятнадцати лет она «намеренно и сознательно» отказалась от молитвы^[9]. Но в то же время следует помнить, что она занималась поиском истины, которая, как она позже утверждала, была «...молитвой сама по себе»^[10]. «Все, кто ищет истину, ищут Бога, независимо от того, понятно им это или нет», – писала она^[11].

Несколько вещей привлекли ее к христианству. В Геттингене Эдит присоединилась к кругу феноменологов Гуссерля. Как следует из названия, этот философский метод сосредоточен на «феноменах», требующих тщательного наблюдения и непосредственного переживания реальности. Феноменология предполагает, что все имеет свою собственную целостность и что поэтому познание должно быть сосредоточено на «вещах как они есть», а не на предвзятых идеях наблюдателя. Изучение феноменологии научило Штайн давать объяснение всем незнакомым «феноменам», с которыми она встречалась в повседневной жизни, включая религиозную веру.

Например, во время визита во Франкфурт-на-Майне в 1916 году Штайн и ее подруга остановились, чтобы посетить кафедральный собор. Пока они

[7] Batzdorff, Aunt Edith, p. 57.

[8] Posselt, Edith Stein, p. 16, see also ch. 3, Gleanings 4, p. 239.

[9] Edith Stein, *Life in a Jewish Family, 1891-1916*, Josephine Koeppl, OCD, trans., in *The Collected Works of Edith Stein*, vol. 1 (Washington, DC: ICS Publications, 1986), p. 148.

[10] Posselt, Edith Stein, p. 63.

[11] Edith Stein to Sr. Adelgundis Jaerschmid, OSB, Letter 259, *Self-Portrait in Letters: 1916-1942 in The Collected Works of Edith Stein*, vol. 5, Josephine Koeppl, OCD, trans. (Washington, DC: ICS Publications, 1993), p. 387.

смотрели на прекрасное святилище, вошла женщина с корзиной для покупок и бессознательно опустилась на колени, чтобы помолиться несколько минут. Как объяснить «феномен» обычного человека на молитве? Штайн писала: «Это было нечто совершенно новое для меня. В синагоги или протестантские церкви, которые я посещала, ходили только на службы. Но здесь кто-то прерывал свои повседневные дела, чтобы зайти в эту церковь... как будто она пришла для интимной беседы. Я никогда не смогу этого забыть»^[12].

Во время той же поездки во Франкфурт Штайн и ее подруга отправились посмотреть на Афину работы скульптора пятого века до нашей эры Мирона из Елевфер. Однако прежде чем они вошли в комнату, где была представлена изящная фигура богини мудрости, они заметили фламандскую скульптуру XVI века, изображающую Деву Марию, любимого ученика Иоанна, Никодима и Марию Магдалину, сгруппировавшихся у подножия креста, хотя композиция была повреждена так, что на ней уже не было ни креста, ни Христа. «Эти фигуры оказали на нас такое сильное воздействие, что долгое время мы не могли от них оторваться»^[13], – писала Штайн. Что же произвело на них такое сильное впечатление? Была ли это невидимая фигура, умирающая в центре скульптуры?

Самое главное, в Геттингене Штайн смогла наблюдать, как христианство изменило жизнь людей, которых она знала и любила. Эдмунд Гуссерль сам был евреем, перешедшим в протестантизм. Однако, помимо своего наставника, через феноменологический кружок Штайн подружилась с Адольфом (1883-1917) и Анной Рейнах. Рейнахи были лютеранами. Первая мировая война разбросала университетское сообщество (Штайн сама несколько месяцев служила помощником Красного Креста в 1915 году), а Адольф Рейнах погиб на фронте в 1917 году. Его вдова, Анна, попросила Штайн помочь ей привести в порядок его научные работы. Она боялась встретить подругу в отчаянии из-за потери мужа, но, к ее удивлению, Анна, хотя и была убита горем, оказалась удивительно спокойной и отзывчивой. Штайн написала: «Это была моя первая встреча с Крестом и той божественной силой, которую он внушает тем, кто его несет. Впервые я увидел перед своими глазами Церковь, рожденную искупительными страданиями Христа, побеждающую жало смерти. В этот момент мое неверие было сокрушено, иудаизм побледнел, и передо мной засиял Христос: Христос в тайне Креста»^[14].

Другими христианами среди феноменологов были философ Хедвиг Конрад-Мартиус (1888-1966) и ее муж Теодор (1881-1969). Штайн иногда останавливалась в их доме. Однажды, когда хозяевам пришлось оста-

^[12] Stein, A Jewish Family, p. 401.

^[13] Там же.

^[14] Posselt, Edith Stein, pp. 59-60. A Jewish Family, 419-420.

вить ее одну на несколько дней, Хедвиг предложила Эдит выбрать любую понравившуюся книгу из большого книжного шкафа. Она наугад выбрала «Жизнь святой Терезы Иисуса», автобиографию великой реформаторши кармелиток-дискалиток (1515-1582). Биограф Штайн и ее соратница по кармелитам, сестра Тереза Рената Посселт, приводит слова Штайн, которые она рассказала ей о впечатлениях от чтения жизни святой: «Я... сразу же была очарована и не останавливалась, пока не дошла до конца. Закрыв книгу, я сказала: «Это правда»»^[15]. Она была крещена в Новый год 1922. По особой договоренности Хедвиг Конрад-Мартиус, хотя и протестантка, стояла рядом со Штайн в качестве ее крестной матери.

Здесь Штайн столкнулась с другим крестом – непониманием семьи, особенно ее любимой матери, из-за ее христианского обращения^[16]. Она продолжала сопровождать мать в синагогу и молиться вместе с семьей, но брешь уже случилась. Одна из сестер Штейн, Роза, решила разделить ее веру, но, хотя отношения с другими членами семьи сохранились, нельзя сказать, что кто-то из них понял ее шаг.

Еще до своего обращения она подавала заявки на лекторскую позицию в несколько университетов, но безуспешно. Независимо от того, насколько блестящей или квалифицированной она была, в то время высшие академические круги были закрыты для женщин. Из-за этого наступило разочарование (еще один крест!) и она поверила, что Бог ведет ее к вступлению в религиозный орден. Хотя Кармелиты и созерцательная жизнь сильно привлекали ее, духовный наставник убедил Штайн остаться в миру. Постепенно она поняла, что «...можно поклоняться Богу, занимаясь научными исследованиями»^[17].

В связи с этим она получила должность в женском педагогическом колледже под руководством доминиканского ордена в Шпайере и посвятила себя своим ученицам. Здесь ее «крест» состоялся из проблем повседневной жизнью; она должна была справляться с напряженным графиком и уживаться с разными личностями. Штайн жила просто, следуя расписанию дня монахинь, включая регулярные молитвы. Ее уважали за эрудицию, но также любили за скромность, щедрость, доброту и справедливость. Помимо преподавания, она занималась научной деятельностью и подготовила перевод «Спорных вопросов» святого Фомы Аквинского (1225-1274) с латыни на немецкий язык, а также написала многочисленные эссе и статьи. Она также стала известным лектором по современным вопросам, особенно в отношении роли женщин в обществе и особых требований к их образованию.

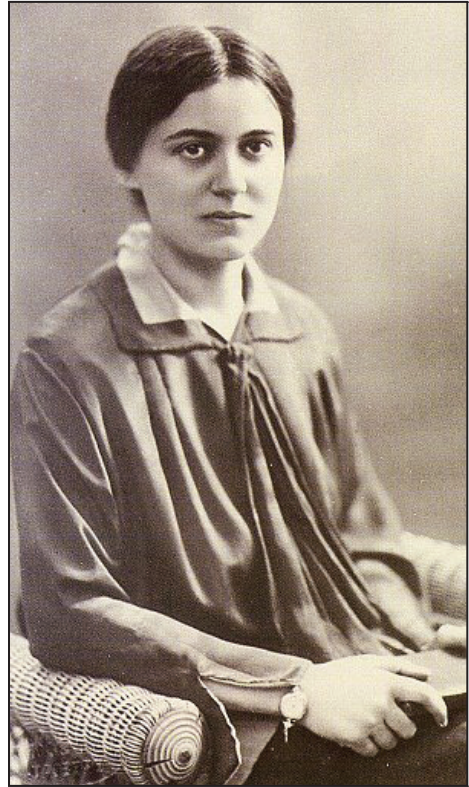
^[15] Posselt, Edith Stein, p. 63.

^[16] Там же, p. 64; see also p. 239 for a description of how her conversion affected her family; cf. Batzdorff, Aunt Edith.

^[17] Edith Stein to Sr. Callista Kopf, OP, Letter 45, Letters, p. 98.

В 1932 году она стала преподавателем Католического педагогического института в Мюнстере, но когда в январе 1933 года Адольф Гитлер (1889-1945) стал канцлером Германии, стало ясно, что ее преподавательская карьера закончилась. Как неарийка, она была вынуждена отказаться от своей должности той же весной. Она поняла, что означают усиливающиеся гонения на евреев, и обратилась к Богу: «Я говорила со Спасителем и сказала Ему, что знаю, что именно Его Крест сейчас возложен на еврейский народ; что большинство из них не понимают этого; но те, кто понимает, должны добровольно принять его во имя всего лучшего. Я сделаю это. Он должен только показать мне, как... Я была уверена, что была услышана. Но в чем будет заключаться это несение Креста, я еще не знала»^[18].

Эдит Штайн (1891 – 1942)

Теперь, когда карьера преподавателя была для нее закрыта, Штайн почувствовала, что настал момент вступить в Кармелитский орден, как она хотела сделать это с момента своего обращения. В октябре 1933 года она была принята в монастырь Дискалированных («босых») кармелитов в Кельне. В апреле следующего года она приняла имя сестры Терезы Бенедикты Креста. Имя «Тереза» было выбрано в честь святой Терезы Иисуса, которая так вдохновляла ее. «Бенедикта» – в честь святого Бенедикта Нурсийского (480-548), который основал европейское монашество. Наконец, следуя традиции кармелитов, она выбрала идентифицирующий титул или эмблему: «Креста». Это был тот же суффикс, что и у другого гиганта шестнадцатого века из Дискалированных кармелитов, святого Иоанна Креста (1542-1591).

Решение Штайн стать кармелиткой стало еще одним болезненным ударом для ее семьи, особенно для ее любимой матери. «Почему ты делаешь это сейчас?» – спросила ее двенадцатилетняя племянница^[19]. Это был уместный вопрос в 1933 году, когда гонения на евреев усиливались. Она уже была христианкой, зачем же становиться созерцательной монахиней

^[18] Posselt, Edith Stein, p. 116.

^[19] Там же. pp. 126-127; Batzdorff, Aunt Edith, pp. 23-25.

и еще больше отделять себя от своих еврейских корней? Пыталась ли она уклониться от судьбы своего народа? Два шурина заверили Штайн, что если ее экономическое положение повлияло на ее решение, то они сделают все возможное, чтобы поддержать ее, пока им еще есть чем поделиться^[20].

Однако сестра Бенедикта (так ее называли в общине) не пыталась бежать от ситуации в Германии. Напротив, она верила, что Бог ведет ее к более глубокому участию. Как она писала своему другу в 1928 году: «... даже в созерцательной жизни нельзя разрывать связь с миром. Я даже считаю, что чем глубже человек погружается в Бога, тем больше он должен «выходить из себя»; то есть он должен идти в мир, чтобы нести в него божественную жизнь»^[21].

Жизнь кармелиток, к которой она присоединилась, была строгой, безвестной, уединенной и покорной, хотя «она смеялась и шутила, как ребенок, с другими сестрами, пока слезы не бежали по ее щекам»^[22]. Однако она всегда знала о том, что происходит с евреями, включая ее собственную семью, и это глубоко волновало ее. История царицы Эсфирь имела для нее в это время огромное значение. Она напомнила себе, что Эсфирь была отделена от своего народа, чтобы представлять его перед царем. «Я очень бедная и бессильная маленькая Эсфирь, но Царь, который выбрал меня, бесконечно велик и милосерден. Это такое большое утешение»^[23].

В 1935 году она дала свои временные обеты. Друг, посетивший ее вскоре после этого, отметил ее сияющее счастье и заметил, что в монастыре она, вероятно, будет в безопасности от преследований, но сестра Бенедикта ответила на это: «"О, нет, я в это не верю. Конечно, они придут и заберут меня отсюда. В любом случае я не могу рассчитывать на то, что меня оставят здесь в покое". Она сообщила мне, что ей было ясно, что она призвана страдать за свой народ, что у нее есть миссия вернуть многих домой»^[24].

Она продолжала свою научную работу, но статьи неарийцев больше не могли быть приняты к публикации. Ее главным достижением в эти годы была книга «Конечное и вечное бытие», анализ святого Фомы Аквинского и феноменологии, но она не могла быть опубликована^[25].

Сестра Бенедикта оставалась в Кельне до 9 ноября 1938 года, когда страшный погром «Хрустальной ночи»^[26] дал понять, что ее присутствие представляет опасность для общины. Она тихо переехала в другой Кар-

^[20] Posselt, Edith Stein, pp. 124-125.

^[21] Edith Stein to Sr. Callista Kopf, OP, Letter 45 in Letters, p. 98.

^[22] Posselt, Edith Stein, p. 139.

^[23] Edith Stein to Mother Petra Brüning, OSU, Letter 281, Letters, p. 413.

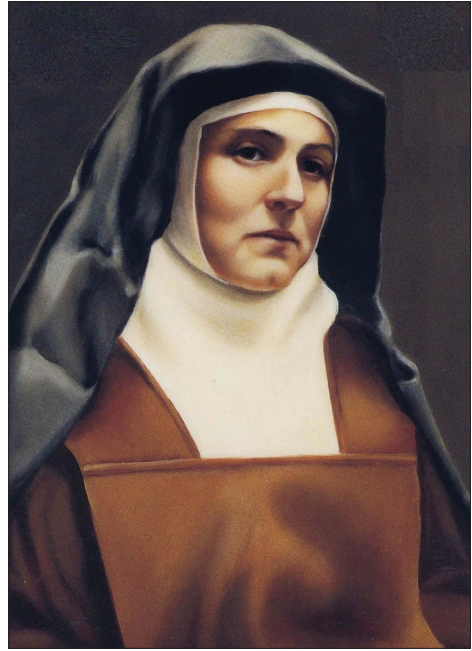
^[24] Elisabeth Kramer, Kolner Selig- und Heiligsprechungsprozess (1962), p. 17, quoted by Posselt, Edith Stein, p. 163.

^[25] Posselt, Edith Stein, pp. 166, 173.

мель в Нидерландах, в Эхте. Вскоре после прибытия туда, в марте 1939 года, она написала своему настоятелю письмо, в котором просила разрешения посвятить себя: «Сердцу Иисуса как жертву умилоствления за истинный мир; чтобы владычество антихриста рухнуло, если возможно, без новой мировой войны... Я знаю, что я ничтожество, но Иисус желает этого, и, несомненно, Он призвет многих других сделать то же самое в эти дни»^[27].

Именно в это время в Эхте она завершила свою последнюю крупную научную работу «Наука Креста». Начальство попросило ее написать труд на благо своих братьев-кармелитов в честь четвертого

Тереза Бенедикта Креста (1891 – 1942).

столетия со дня рождения святого Иоанна Креста. Ее целью было написать исследование о великом мистике «...в единстве его существа, как оно выражается в его жизни и в его произведениях...»^[28]. Работа была завершена в считанные месяцы, но «... [она] на самом деле размышляла над ней годами... Поэтому эта книга предлагает не только современное изложение св. Иоанна Креста, но и личное свидетельство сестры Бенедикты»^[29].

Кармель в Эхте оставался убежищем до немецкого вторжения в Нидерланды в 1940 году. Пока сестра Бенедикта изучала святого Иоанна Креста, сам монастырь оказался под угрозой. В 1941 году четыре кармелитские общины, находившиеся под немецкой оккупацией, были закрыты гестапо^[30]. Опять же, не желая создавать дополнительные проблемы для кармелиток в Эхте, сестра Бенедикта вместе со своей сестрой Розой, которая присоединилась к ней, попыталась перевестись в другой Кармель в Швейцарии. Были заполнены заявления и отправлены документы, но уверенности не было. «Говоря человеческим языком, мы с моей сестрой Розой находимся в несколько затруднительном положении», – писала

^[26] Хрустальная ночь или Ночь разбитых витрин (Kristallnacht) – еврейский погром по всей Германии 9 – 10 ноября 1938 г.

^[27] Edith Stein to Mother Ottilia Thannisch, OCD, Letter 296, Letters, p. 431.

^[28] Stein, The Science of the Cross, p. 5.

^[29] Posselt, Edith Stein, p. 191.

^[30] Там же, pp. 192-193.

сестра Бенедикта. Она добавила: «Мы с уверенностью оставляем все на волю Провидения и спокойно выполняем свои обязанности»^[31].

26 июля 1942 года во всех церквях был публично зачитан протест христианских общин Нидерландов против депортации голландских евреев. В отместку, 2 августа, все неарийские члены каждой голландской религиозной общины были арестованы. На монастырь кармелиток в Эхте был совершен налет, и сестрам Бенедикте и Розе дали всего несколько минут на подготовку^[32].

К 5 августа стало известно, что сестер отвезли в Вестерборк, транзитный лагерь для евреев на севере Голландии. Один из очевидцев вспоминал, что сестра Бенедикта отличалась спокойным поведением и доброжелательностью, особенно заботясь о маленьких детях, чьи матери были в таком отчаянии, что не могли о них позаботиться^[33]. Из Вестерборка в Эхт пришла записка от сестры Бенедикты. Она просила прислать теплую одежду и другие вещи для предстоящего транспорта, но добавляла: «... пока что я могу славно молиться»^[34].

В ночь с 6 на 7 августа не менее 1 000 католиков еврейского происхождения были погружены в поезда и депортированы в неизвестном направлении. Постепенно некоторые сообщения об этом путешествии дошли до Эхта. На остановках по пути следования видели монахиню в черном, которая обращалась к прохожим, передавая приветы. Вероятно, последним словом сестры Бенедикты была нацарапанная записка подруге-бенедиктинцу, которая сожгла ее вместе с другими уличающими бумагами за несколько дней до ее собственного ареста. Много лет спустя монахиня вспоминала эту формулировку: «Приветствие от Терезы Бенедикты Креста. Направляемся на Восток»^[35].

Предполагается, что она была отравлена газом в Аушвиц-Биркенау сразу после прибытия 9 августа 1942 года.

Памятник Эдит Штайн в Кёльне.

^[31] Edith Stein to Sr. Agnella Stadtmüller, OP, Letter 335, Letters, p. 486.

^[32] Posselt, Edith Stein, pp. 202-209.

^[33] Там же, p. 217.

^[34] Там же, p. 218.

^[35] Там же, pp. 223-224, see also ch. 22, Gleanings 2, p. 239.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

◆ Охранник на платформе в Освенциме мог видеть, что женщина в черной вуали не была сумасшедшей. Что бы он подумал, если бы знал, что Эдит Штайн верила, что находится на платформе для того, чтобы предложить свою жизнь Богу ради своего народа? В самом деле, что подумал бы страж о «юродстве» распятого Христа? Это не имеет рационального смысла, но для Эдит Штайн, как для той, кого призвал Бог, крест был «Христос Божия сила и Божия премудрость» (1 Кор. 1:24).

В кресте она нашла истину, которую искала, и посвятила себя воплощению этой истины во всех сферах своей деятельности. Это она делала умышленно, ежедневно и на протяжении всего времени своей жизни. Мы видим это в ее глубокой научной работе, в ее духовной дисциплине, в ее теплых дружеских отношениях. Для нее путь креста—это путь тихого послушания. Она отдала себя Богу. Она ни бросилась в мученичество, но и не пассивно принимала свою судьбу. Она нашла убежище в Нидерландах и продолжала служить своей общине и заниматься научной работой. Она готовилась к переезду в Швейцарию до того как эта возможность окончательно не закрылась. Мы особенно ярко видим мир и свободу того креста, который она носила в течении последних часов ее жизни, когда она утешала маленьких детей и «славно» молилась. Хотя она была жертвой, через крест она сохранила свою человечность даже в самой безчеловечной среде. Безумие ли это, или премудрость? Пусть и мы будем настолько безумны, чтобы взять на себя свои тяжелые бремена и последовать за тем же Господом.

Читая *Науку Креста*

«Я... как маленький ребенок, делающий первые попытки ходить»^[1], – писала сестра Тереза Бенедикта Креста (Эдит Штайн), когда начала работу над своим последним научным трудом *Наука Креста*. Ее попросили настоятели кармелитской общины в Эхте (Нидерланды) написать работу в честь четырехсотлетия великого мистика, учителя их религиозного ордена, святого Иоанна Креста (1542-1591). Она была хорошо знакома с его трудами, но вместо того, чтобы создавать просто биографию или описание его работ, она хотела представить жизнь святого Иоанна как единое целое под знаком креста Христова.

Чтобы передать эту цель, она использует термин «наука» (нем.: *Wissenschaft*). Не просто идея или теория, «наука» здесь понимается как «...живая, реальная и действенная истина... погребенная в душе, как семя, которое пускает там корни и растет, производя отчетливое впечатление на душу, определяя то, что она делает и что упускает...»^[2]. Другими словами, крест обладает своей собственной реальностью и целостностью; он производит глубокие изменения в жизни человека, которые можно наблюдать и составлять схемы, как в любой науке. Таким образом, Штайн исследует, как идея креста была «посажена» в жизни святого Иоанна, и рассматривает ее рост и развитие в его жизни и письмах.

Св. Иоанн Креста писал для того, чтобы направлять других в их движении к единению с Богом, знаком и путем которого является крест. Сестра Бенедикта делает анализ самых значительных трудов Иоанна Креста, дошедших до наших дней. Его Восхождение на гору Кармель описывает поиск Бога через аскетическую жизнь в аллегорической форме продвижения души к вершине метафорической горы Кармель, где происходит встреча с Богом. Темная ночь рассказывает об очищении души через потери и опустошение. Темнота символизирует тот факт, что пункт назначения – Бог непознаваем и сам путь неведом и непознаваем. Наконец, два стихотворения, *Огонь живой любви* и *Духовное песнопение* (*Духовная кантика* или *Свадебная песнь души*), отражают мистический процесс, который проходит душа, пока она не достигнет единения с Богом и не насладится радостью духовного единения.

Наука креста — это не утешительная книга. Духовная жизнь тяжела и требует труд и внимание. Можно представить Иоанна Креста как картографа, который рисует дорогу, ведущую куда-то высоко в духовные горы. В своей книге, Эдит Штайн как будто объясняет карту, которую Иоанн нам оставил, но одновременно, толкуя слова и опыт самого гида, она косвенно описывает и свой поход в этих горах. Без ее богатого духовного опыта, она не могла бы так эффективно подытоживать опыт своего наставника.

Мэри Рэйбер

НАУКА КРЕСТА

Исследование о святом Хуане де ла Крус^[3]

На этих страницах будет предпринята попытка понять св. Хуана де ла Круса в целостности его натуры, выразившейся в его жизни и трудах, с той точки зрения, с которой автор способен увидеть эту целостность.

* * *

В сентябре или октябре 1568 г. молодой кармелит Хуан де Йепес, до этого носивший в ордене имя Хуана де Сан Матиа (Хуана святого Матфея), поселился в бедном монастырском домике в Дуруэло, где ему предстояло стать одним из главных инициаторов терезианской реформы. Двадцать восьмого ноября он вместе с двумя братьями принес обет следовать изначальному уставу и принял имя Хуан де ла Крус (Иоанн Креста)^[4]. Это имя стало символом того, что он искал, покидая родной монастырь и открыто отрекаясь от его смягченного устава; того, к чему он стремился уже там, по специальному разрешению соблюдая изначальный устав ордена. В то же время в этом выражался важный отличительный признак реформы: жизнь босоногого кармелита должна была стать подражанием Христу на пути Креста, соучастием в Кресте Христовом.

* * *

Когда мы говорим о «науке Креста», это не следует понимать в общепринятом значении слова «наука»: речь идет не о сухой теории, то есть не просто о конгломерате истинных – или предположительно истин-

[1] Edith Stein to Sr. Maria Ernst, OCD, Letter 320 in *Self Portrait in Letters, 1916-1942*, Josephine Koepfel, OCD, trans. (Washington, DC: ICS Publications, 1993), p. 466.

[2] Edith Stein, *The Science of the Cross*, Josephine Koepfel, OCD, trans. (Washington, DC: ICS Publications, 2002), pp. 9-10.

[3] Выдержки из книги Эдит Штайн *Наука Креста. Исследование о святом Хуане де ла Крус* Переводчик Наталья Бакша, Ин-т св. Фомы, М., 2008, 288 с. Подготовил С. Санников.

[4] В русском языке этого святого принято называть Хуан де ла Крус (исп. Juan de la Cruz), но известная переводчица его стихов Мария Игнатьева (Барселона) считает, что более правильно переводить его имя и использовать Иоанн Креста (укр. Іван від Хреста), как это делается во всех европейских языках. Важно понимать, что Крест – это не псевдоним, а богословское дополнение к монашескому имени. См. Игнатьева М. Проблемы перевода имени San Juan de la Cruz на русский язык. *Меди@льманах*, 2021, №6, 138-144.

ных – высказываний, не об идеальной системе, основанной на почтенных меморандумах. Это познанная истина, теология Креста, но в то же время истина живая, реальная и действенная: подобно зерну, она погружается в душу, укореняется в ней и растет, налагает на душу свой отпечаток и определяет ее действия.

Но прежде зададимся вопросом, как вообще может возникнуть наука в вышеописанном смысле.

Налицо явные признаки того, что человеческая природа в ее нынешнем состоянии есть природа падшая. К таким признакам относится неспособность воспринимать истинную ценность явлений и реагировать на них. Эта неспособность может корениться во врожденном «тупоумии» (в буквальном смысле), или в общем равнодушии, сформировавшемся на протяжении жизни, или, наконец, в неспособности воспринимать определенные впечатления, порождаемой их частым повторением. Общеизвестные вещи, которые мы часто слышим, оставляют нас равнодушными. К этому нередко добавляется чрезмерная озабоченность собственными проблемами, которая мешает восприятию всего остального. Мы воспринимаем собственную внутреннюю инертность как нечто неподобающее и страдаем от этого. То, что она соответствует «психологическим законам», – слабое утешение. С другой стороны, мы счастливы, на опыте убеждаясь, что все еще способны испытывать настоящую внутреннюю радость; глубокая, подлинная боль – тоже благодать для нас по сравнению с окамененным нечувствием. Равнодушие в религиозной сфере для нас особенно болезненно. Многих верующих огорчает, что события истории Спасения не производят на них должного впечатления и не играют в их жизни той роли, которая им подобает, – роли движущей силы. Пример святых показывает им, как это должно происходить: где вера воистину жива, там истины веры и дела Господни составляют содержание жизни, а все иное отступает перед ними и ими формируется. Таково восприятие святого – изначальная внутренняя восприимчивость возрожденной Святым Духом души. Все, что соприкасается с ней, она воспринимает подобающим образом и с соответствующей серьезностью; все в ней находит живую и подвижную отзывчивость, не ограниченную ложными препятствиями и окамененностью, отзывчивость, которая легко и радостно позволяет воспринятому вести и формировать себя. Когда святая душа воспринимает таким образом истины веры, это становится «наукой святых». Если же ее содержанием делается тайна Креста, она становится наукой Креста.

* * *

У кармелитов обращение к Священному Писанию входило в ежедневный распорядок дня. Когда молодой монах (Иоанн Креста) был отправлен учиться в Саламанку, изучение Писания под руководством образованных экзегетов стало важной частью его обязательной работы. В более

поздние годы, как мы знаем, он жил, полностью погруженный в Писание, и никогда не расставался с ним. Это была одна из немногих книг, которые он хранил в своей келье. Произведения Хуана де ла Круса немислимы без цитат из Библии. Они стали естественным выражением его внутреннего опыта и, когда он писал, сами просились на бумагу. Брат Хуан Евангелист, его секретарь и близкий друг в последние годы, рассказывает, что в присутствии Хуана де ла Круса едва ли нужно было открывать Библию, поскольку тот знал ее почти наизусть. Итак, можно сказать, что весть Креста в Божьем слове звучала в сердце святого всю жизнь, и каждый раз заново.

* * *

Сам Спаситель в различных ситуациях по-разному говорил о Кресте: когда Он предсказывал Свои страдания и смерть (Мф 20:18–19; 26:2), у Него перед глазами был крест в обычном смысле слова – дерево позора, на котором Он должен был окончить Свою жизнь. Но когда Он говорит: «...Кто не берет своего креста и не следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф 10, 38) или «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16:24; ср. Мк 8:34; Лк 9:23; 14:27), то крест здесь – символ всего тяжелого, мучительного и противного человеческой природе, так что он представляется путем к смерти, если человек принимает его. И эту ношу молодому Иисусу нужно было брать на себя ежедневно. Известие о Его смерти явило ученикам образ Распятого – оно являет его и по сей день каждому, кто читает или слушает Евангелие. И в этом кроется безмолвный вызов, требующий соответствующего ответа. Призыв следовать Крестным путем жизни одновременно приоткрывает и смысл Крестной смерти, поскольку непосредственно после слов призыва следует предупреждение: «...Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк 9:24; ср. с Мф 10:39; Лк 17:33; Ин 1:25). Христос отдал Свою жизнь, чтобы открыть людям путь к вечной жизни. Но чтобы получить вечную жизнь, и они должны отдать свою земную жизнь. Они должны умереть со Христом, чтобы вместе с Ним воскреснуть, – умереть смертью – страданием длиною в жизнь и повседневным самоотречением, а в случае необходимости и кровавой смертью – свидетельством Христова благовестия.

* * *

Если мощным стимулом для поэта стали пламенные и красочные картины ветхозаветного псалмопевца, то теолог мог черпать из иного полноводного источника. Им была душа, единая со Христом, живущая Его жизнью, в полной самоотдаче себя Распятому проходящая вместе с Ним весь Крестный путь. Это нигде не выражено яснее и четче, чем в благовестии апостола Павла. У него уже есть сформированная наука Креста, теология Креста, основанная на внутреннем опыте. «...Христос послал меня... бла-

говествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор 1:17–18). «... Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор 1:22–25).

* * *

Весть Креста – Евангелие от Павла, весть, которую он провозглашает иудеям и язычникам. Это простое свидетельство, без всякой пышной риторики, без малейшей попытки убедить доводами разума. Он черпал всю свою силу в том, что проповедовал. Это Крест Христов, то есть Крестная смерть Христа и Сам распятый Христос. Христос – сила Божья и мудрость, и не только как посланник Божий, Сын Божий и Сам Бог, но и как Распятый, так как Крестная смерть – избранное непостижимой Божественной премудростью средство спасения. Чтобы показать, что человеческая сила и мудрость не способны привести ко спасению, Он наделяет спасительной силой Того, Кто по человеческим масштабам кажется слабым и безумным; Кто не хочет быть ничем Сам по Себе, но лишь дает действовать в Себе силе Божьей; кто «опустошил» Самого Себя и стал «послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп 2:7–8). Спасительная сила – это власть возрождать к жизни тех, в ком Божественная жизнь была уничтожена грехом. Подобным образом спасительная сила Креста вошла в весть Креста и через эту весть переходит на всех, кто принимает ее, кто открывает себя ей, не требуя ни чудес, ни доводов человеческой мудрости. В принявших эту весть она превратится в ту животворящую и жизнеобразующую силу, которую мы назвали наукой Креста. Апостол Павел сам говорит о конечном ее смысле: «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал 2:19–20).

* * *

И последнее – самое важное. Крест – не самоцель. Он возвышается и указывает вверх. Он не просто знак, но мощное орудие Христа. Это пастуший посох, с которым божественный Давид выходит против дьявольского Голиафа, посох, которым он могущественно стучит в Божьи врата и отверзает их. И тогда оттуда изливаются потоки Божественного света и окутывают всех, кто последовал за Распятым.

* * *

Через слово, образ и литургическое действие весть Креста стучится в сердце каждого человека, живущего в христианской культурной среде, и

особенно в сердце священника. Но не всякий способен и готов так принять эту весть и так на нее ответить, как это сделал св. Хуан де ла Крус. У него это произошло в особой форме, не считая исключительной благодати при принесении Святой Жертвы. Распятый несколько раз являлся ему в видениях. О двух из них он подробно поведал нам.

Согласно учению Хуана де ла Круса, слышание голосов, видения, так же как и откровения, – незначительная, второстепенная деталь мистической жизни. Он всегда предостерегал от увлечения ими, поскольку человек подвержен опасности впасть в заблуждение и во всяком случае задерживается на пути к единению со Христом, если придает этим вещам особую важность.

Кроме того, Хуан всегда был крайне немногословен в рассказах о своей жизни, как внешней, так и внутренней. И если уж он заговорил о двух своих видениях, следовательно, они имели для него большое значение. После них на него обрушилась целая буря преследований и страданий, из чего напрашивается вывод, что их можно считать пророчествами.

Первое явление было в Авиле, в монастыре Боговоплощения, куда св. Тереза вызвала его в качестве духовника для сестер. Однажды, когда он целиком погрузился в созерцание Крестных страданий, перед ним предстал распятый Спаситель – с открытыми глазами, израненный, истекающий кровью. Это видение было таким четким, что святой смог зарисовать его пером, когда пришел в себя.

Маленький пожелтевший листочек сохранился в монастыре Боговоплощения до наших дней. Рисунок кажется выполненным в современной манере. Крест и тело изображены некрупно, будто увиденные издали; тело дано в движении, сильно свесившимся с креста, повисшим на руках (пробитые мощными торчащими гвоздями руки особенно выразительны); голова опущена так, что черт лица не разобрать; напротив, хорошо видны шея и верхняя часть спины, покрытые рубцами. Святой подарил свой рисунок сестре Анне Марии Иисуса и ей доверил тайну этого видения.

* * *

К вести Креста также должно быть присовокуплено все то, что мы называем Крестом в переносном смысле, все тяготы и страдания жизни, поскольку именно отсюда и проистекает глубочайшая наука Креста. Святой познал страдания и зависть уже с первых лет жизни. Ранняя смерть отца, борьба матери за кусок хлеба для детей, его вечно неудачные попытки что то заработать для семьи – все это должно было оставить глубокий след в нежном сердце ребенка, но нам ничего об этом не известно. Так же мало мы знаем о влиянии на душу св. Хуана де ла Круса кризисов первых лет жизни в ордене. Лишь о более поздних годах есть свидетельства, которые позволяют больше узнать о его внутренней жизни.

рис. 1

рис. 2

рис. 3

Подписываясь, Иоанн Креста всегда рисовал в конце своего имени крест (рис. 1). Собственноручный рисунок Иоанна Креста, изображающий его видение – распятие (рис. 2). Этот рисунок вдохновил Сальвадора Дали на создание картины «Христос святого Иоанна Креста» (рис. 3).

Однажды вечером в Авиле Хуан, закончив исповедовать, вышел из церкви, где звонили к Angelus⁵¹, и пошел по тропинке к дому, где жил вместе с о. Германом. Вдруг на него напал какой-то человек и так избил дубинкой, что Хуан упал на землю. (Это была месть мужчины, которого Хуан лишил любовницы, обратив ее ко Христу.) Повествуя об этом эпизоде, святой добавил, что никогда в жизни не испытывал такого сладкого утешения: с ним обращались, как со Спасителем, и он познал всю сладость Креста.

* * *

Ни одно человеческое сердце никогда не проходило сквозь такую Темную ночь, как сердце Сына Человеческого в Гефсиманском саду и на Голгофе. Ни один пытливый дух не в состоянии проникнуть в непостижимую тайну Богооставленности умирающего Сына Человеческого. Но Сам Иисус может дать избранным душам хоть немного ощутить эту страшную горечь. Такие души – Его лучшие друзья, и их любви Он посылает последнее испытание. Если они не убоятся и покорно вступят в Темную ночь, Он Сам станет их проводником:

⁵¹ Angelus Domini (лат.) – Ангел Господень, католическая молитва, названная по начальным словам; читается трижды в день: утром, в полдень и вечером. В католических монастырях и храмах чтение этой молитвы зачастую сопровождается колокольным звоном, который также называют Angelus.

*О ночь, что провожатой мне служила!
О ночь, нежней рассвета!
О ночь, соединившая
Любимую с Любимым,
Преобразившая Невесту в Жениха!*

* * *

Процесс освобождения святой определяет как Ночь, через которую душе необходимо пройти. Это Ночь сразу в трех значениях: исходный пункт, путь и его цель. Исходный пункт – желание вещей этого мира, от которых душе необходимо отказаться. Этот отказ приводит ее во тьму, подобную Ничто, поэтому она и названа Ночью. Мир, который мы воспринимаем чувствами, – это почва, на которой мы твердо стоим, дом, в котором нам уютно, который питает нас и дает все необходимое для жизни, источник наших радостей и наслаждений. Если у нас отнимают его или приходится его покинуть, то, конечно, нам кажется, что земля уходит у нас из-под ног и кругом воцаряется Ночь. Нам кажется, будто мы растворяемся и исчезаем. Но это не так. В действительности мы становимся на более надежный путь, но путь темный, окутанный Ночью: путь веры. Это действительно путь, потому что он ведет к цели – единению с Богом. Но это путь Ночи, потому что в сравнении с ясной проницательностью естественного разума вера – темное постижение: она сообщает нам нечто, но не дает этого увидеть. Поэтому нужно сразу сказать, что и цель, к которой мы движемся по пути веры, является Ночью. На земле даже в блаженном единении Господь остается сокрытым от нас. Наше духовное око не приспособлено к Его бесконечно яркому свету и смотрит на Него, как в ночную тьму. Но как космическая ночь в различные моменты темна по-разному, так и у мистической Ночи есть свои временные промежутки и свои степени. Исчезновение чувственного мира сравнимо с наступлением Ночи, в которой, однако, от дневной яркости остается сумеречный свет. Вера же, напротив, – полночная тьма, поскольку здесь отсутствует не только деятельность чувств, но и естественные познающие способности разума. Однако когда душа находит Бога, тогда ее Ночь озаряется светом восходящего нового дня вечности.

* * *

Для умерщвления и уничтожения четырех естественных страстей, каковы суть радость, надежда, страх и боль, от успокоения коих и умиротворения проистекают эти и другие блага, помогут следующие советы, и исполнение их поведет к великим добродетелям.

*Старайся всегда склоняться:
Не к тому, что легче, но к тому, что труднее;
Не к тому, что слаще, но к тому, что горше;*

*Не к тому, что приятнее, но к тому, что неприятнее;
Не к сулящему отдых, но к требующему труда;
Не к тому, что утешает, но к скорби;
Не к тому, что больше, но к тому, что меньше;*

*Не к тому, что возвышенно и ценно, но к тому, что низко
и ничтожно;
Не к тому, чтобы желать чего-либо, но к тому, чтобы не желать
ничего;*

Не лучшей искать из вещей сотворенных, но худшей, – чтобы достичь ради Христа нищеты, наготы, пустоты во всем, что есть в этом мире. Сии деяния подобает объять сердцем и стараться смирить ими свою волю... Если надлежащим образом исполнять сказанное, то этого вполне хватит, чтобы войти в Ночь чувств...

То, что деятельное вхождение в Ночь чувств равнозначно готовности принять на себя Крест и нести его, не нуждается ни в каких обоснованиях. Но от одного лишь несения Креста не умирают. А для того, чтобы полностью войти в Ночь, необходимо умереть для греха. Человек может отдать себя на распятие, но не может распять себя сам. Поэтому то, что начато деятельной Ночью, должно быть закончено бездеятельной, то есть Самим Богом. «Как бы душа ни старалась, она все же не может одними своими силами так очиститься, чтобы быть способной хотя бы к самому малому любовному единению с Господом, если Он не возьмет ее в Свои руки и не очистит в том темном пламени...».

* * *

Наша цель – единение с Богом, наш путь – распятый Христос, единение с Ним в распятии. Единственно подходящий для этого путь – вера.